

Жорж Дмитриев
И то же в нас очарование

Том 1. Стихи

Жорж Дмитриев И то же в нас очарование. Том 1. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28264843

ISBN 9785449012890

Аннотация

Дорогому читателю! В этом мире, уставшем от фальши, лишь ЛЮБОВЬ вдохновляет чтоб жить.. Заряжайтесь любовью, а дальше, постарайтесь её не убить..

Содержание

Горсточка счастья	7
Меня ли помнят твои губы?	8
Отказ	10
Нагота иглы	12
Неоглашенные слова	14
Ненавижу я время	16
Совершеннейшая	18
Пожелание	19
Если ни да и ни нет	21
Душа зеркальных превращений	22
Семь грехов	23
Мой вечный город полон ожиданий	25
Рухнет троя	26
Парад в честь Дня ВМФ России на Неве	28
Озябший птенчик	29
День седьмой	30
Не смирюсь я с запретом	32
SMS сообщение	33
Тишина	34
Где ты?	36
Ты, только ты	38
Ласки яда	39
Щупальца нежности	40

Не опьяняя меня улыбкой	42
Сизокрылый, долети	43
Шрам на сердце	44
Тепло любимого человека	46
Ваши губы бледны	47
Природная данность	48
Твоя харизма	50
Рулетка катится в zero	52
Пряный запах твоей кожи	54
Сердце и разум	56
Штурм крепости	57
Девушка в лесу	60
Суд идёт	61
У соборной ограды	62
Танцы ренуара	64
Иди ко мне!	66
Любовь – алтарь	67
Шестьсот кусочков смальты	68
Целительница	70
Питер не Париж	72
Нарисуй меня	74
Пропать	76
Не пущай ты мужа до Парижу	78
На изломе лета	81
Посвящение	83
Плененная временем	85

Расскажи мне	86
Приглядишь	88
У милых глаз	90
В Балаклаве	92
Кто оплатит	93
Запрещающий свет	95
Ощущения родства	96
Счастье, заходи	98
Боль	100
Увези меня ты к морю	101
Её миссия	102
Грёзы	104
Красотою умертви	106
Экземпляр единственный	108
Поэтический вечер	110
Срок годности	112
Икаром в небо устремился	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

И то же в нас очарование

Том 1. Стихи

Жорж Дмитриев

*Если в чудо сердце верит,
Если ждуют его всерьёз —
В Новый год откройте двери,
На пороге – Дед Мороз!
Всё он знает, всё о помнит
И туда, где ждуют – спешит:
Все желания исполнит,
Все мечты осуществит!*

© Жорж Дмитриев, 2017

ISBN 978-5-4490-1289-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Горсточка счастья

*Вино из одуванчиков
готовит терпкий май
Вдохни целебной взвеси,
испей глоток весны —
в её оригинальности
все замыслы просты...*
Людмила Аристархова

Одуванчиковый рай,
где одному нельзя
не то чтобы забыться
и находу влюбиться, но и влюбившись —

Равно напиться в доску —
без денег в дом явиться
и долго объясняться,
что мол, сухой, как лист!

И пусть, хоть горстку счастья
мне майский дождь нальёт.
Я б всем раздал по капле
и стал счастливей всех!

Меня ли помнят твои губы?

А знаешь, я скучаю по тебе...
По волосу, чей шёлк темнее ночи,
По говору – журчанию ручья,
По смеху, что манит и дразнит
Яркостью в глазах и перламутром губ.
А знаешь, я скучаю по тебе...

Когда тебя нет рядом,
Когда нет подле шелеста
Так ладно на тебе одетой юбки,
Когда ты тихо говоришь,
Не глядя на меня, но взор твой
Всею плотью мгновенно ощущаю.
А знаешь, я скучаю по тебе...

Скучаю оттого, что всё уносит время
И сердце, в ритме учащённом,
Уже не мчится вскачь.
Воспоминания приносят сожаления, —
Так засухи мертвящий зной
Уходит с тёплой грозой
И бесконечно длинными дождями.
А знаешь, я скучаю по тебе...

Меня ли помнят твои губы?

Отказ

Я докучать Вам перестану и
В суматохе разных дел – забуду.
Не вспомню даже цвета глаз,
Улыбку Вашу и походку:
В толпе из тысячи прохожих
Я узнавал её лишь в Вас.

Зачем, Вы спросите игриво,
Мне думать каждый день о Вас?
Вам не к лицу играть с судьбою
И волочиться старику за девой юной.
В стихах Вы пишете о боли,
Что принесла моя краса
До сердца в трепетном волнении —
В том, друг мой, не моя вина.

Ранимы Вы прекрасным всюду
И всё в Вас отдано красе:
Повсюду ищите картины,
Запечатлевшие мотивы
Любовной страсти и мольбы.
Честны в поступках,
В помыслах стыдливы —
Вас не любить никак нельзя.

Не обессудьте, откажитесь
Себя вседневно искушать.
Меж нами пропасть лет лежит,
Завалы прошлого отринте
И на молчание моё,
Себя отныне не корите,
Без Вас прожить я не смогу!

Жму руку Вашу на прощание
И долгих лет в здоровье крепком
Вам пожелаю сей же час.
Крепитесь, копыя не ломайте,
Глаголом жгите юных дам и
В довершении, простите
За неприветливый отказ.
С любовью, Эля.
В добрый час!

Нагота иглы

*Девушки, те, что шагают
Сапогами чёрных глаз
По цветам моего сердца.
Девушки, опустившие копья
На озёра своих ресниц.
Девушки, моющие ноги
В озере моих слов.
В. Хлебников, 1921 г.*

Девушке, думающей себя
Нам предъявить единственной,
Лучшей в неповторимости,
Яркой индивидуальностью,
Так, чтобы увидел и – намертво:
Сердце его – навсегда твоё!

Девушке, ищущей понимания
И магнетизма чувств,
Дни свои не растрачивая,
Сказочной хочется быть
И с необретшим уют —
Гнёздышко семейного счастья
Накрепко сколотить.

Девушке, как иголке,

Одевающей людей,
Природой дано оставаться
Обнажённой, и, ослепляя
Мужчин прелестями
Юного, сочного тела,
Новую жизнь дарить.

Девушке, что обещала:
«Я постараюсь Тебя любить!»,
Сказано в назидание:
Мне остаётся надеяться,
Что чувства, излитые ночью,
Не растворятся днём!

Неоглашенные слова

Зачем явилась ты в мой сон,
Зачем мои глаза иных теперь искать не могут.
Зачем, скажи зачем,
В себя ты облик всех вобрала?
Олимп принадлежит тебе одной и
Красотой своей поэтов обольщая,
Ты с благосклонностью высокопарных слов
В заоблачные выси улетаешь.

Я ж, грешный, на земле ищу
К тебе никем неоглашенные слова.
И нежность, что давно живёт во мне
Свила гнездо в моём влюбленном сердце.
Как знать, быть может, я люблю тебя
До степени высокого безумства,
До пепла, тлена и до забытья
Ещё неизреченных слов!

И есть ли в сердце у тебя
Тот уголок, где мне спокойно,
Где утро восхищает соловей
Призывной арией к надежде
Знать, что я тобой любим,
Тобой одной храним —

Сегодня, завтра, вечно
И не во сне, а наяву!?

Ненавижу я время

Я тебя ненавижу,
Потому что ты знаешь,
Как тебя я люблю!

Я себя ненавижу,
Потому что не знаешь,
Как ты любишь меня!

И неважно, что в клочья
Кто-то рвёт облака —
В моём сердце заноза, —

Её вырвать нельзя.
На погосте поставят
Крест сосновый простой

И отслужат молебен
Не за мой упокой,
Оттого, что Надежда

Хочет встретить Любовь!
Оттого, что я Веру
Разменял на Любовь!

Ненавижу я время,
Что крадёт от меня
Потаённость улыбки,

Поступь лёгких шагов,
Взгляд, пронзающий сердце
И тепло твоих губ...

Совершеннейшая

Я вложил твое сердечко
В паутинку серебра
И несу его в ладонях,
Радуюсь приходу дня.

Может губ твоих горение
Обожжет мое терпение
Встретить чудо от тебя,
Вспыхнув светом обручения

И продлит очарование
Окольцованного дня, —
Совершеннейшая —
Дева – Ангел с Алтаря!

Пожелание

*Напхнення Вам!
(Вдохновения Вам!)*

Я должен на что-то сердиться,
Кого-то за что-то ругать, —
Иначе мне, просто,
Придётся упасть на колени и
Молча на образ Святой любоваться,
Трёхкратно моля снизойти! Богиня!
На землю сойди с облаков!
Дай сердцу, убитому взором,
Ланитами, стройностью линий
И мягкой гибкостью форм,
Изведать нежность сильных рук,
Вобрать дыханьем воздух пряный из уст твоих...

Мне не забыть тот миг и час,
Когда впервые я услышал
Судьбы суровый приговор:
Мне дева юная улыбкой гордой объяснила —
Как госпожа – рабу, что Роза расцвела,
Что люб ей Месяц златогривый,
Что к счастью льнёт её душа.
Что в ваши лета остудите свои порывы к красоте.

Известно Вам, краса не вечна
И блеск её короче лета, короче ночи,
И в жизни Розы – бег времени неукротим!

Другое станет ум тревожить
И сердце ваше волновать.
У ВДОХНОВЕНИЯ появятся причины
Иное Чудо воспевать!
Живите с миром.
Вас целую!
Добром лишь буду вспоминать.
Натхнення Вам!

Если ни да и ни нет

Если ни Да и ни Нет,
То не спеши под венец.
За красотою румян
Часто находят обман.

Если ни Да и ни Нет,
Сердце ты ей не отдашь
И не доверишь мечты
Той, что не видит пути.

Если ни Да и ни Нет,
Счастья не жди, его нет.
В доме не будет тепла,
Если улыбка горька.

Если ни Да и ни Нет,
То на душе пустота.
Там лишь горит свеча,
Где верность живёт до креста!

Душа зеркальных превращений

Смотрю в твои глаза, как в зеркала.
Нет, не пустые. Их яблочный налив
Хрустально множит чувства дорогие.
Они несут ко мне мечту
И манят чудом женского творения.

Я ночью брежу тишиной,
А утром имя вывожу рукой на глади окон.
Потом, дыханьем своим две буквы – инициалы —
Хозяйке их перевожу,
Целую точки между ними.

Не верю в пустоту зеркал,
Способных отражать любое.
В них есть душа
Зеркальных превращений:
Я вижу в них твою любовь —

Так глаз твоих свечение
Доносит до меня —
Моей любви сердечное стремление,
В хрусталиках твоих пройдя
Законы преломления.

Семь грехов

Я грешен (1) тем, что полюбил глаза,
Которые ещё не видели измены.
Я грешен тем, что в них нашёл
Источник сил до осени седой прихода.

Я грешен (2) тем, что на песке, у кромки моря,
Каждый день, пишу твои инициалы.
А волны, грешника броня,
Уносят твоё имя безвозвратно в пучину моря.

Я грешен (3) тем, что в жизнь твою
Врываюсь непрестанно,
Питаясь сумраком надежд,
Едва ль когда-то исполнимых.

Я грешен (4) тем,
 что не могу перекричать всех чаек, —
В их крике слышится запрет
 на нарушение канонов:
Не должно лиственнице юной припадать
На грудь каштана векового.

Я грешен (5) тем, что утром ранним, бодрым днём
И вечером угрюмым, когда полночная Луна,

За драпировками окна, едва-едва свой лик являет,
Я в сотый раз, в стихах,
твой юный профиль призываю.

Я грешен (б) тем, что время вспять
не в силах повернуть,
Что юность быстро пролетела,
Что зависть гложет меня к тем,
Кому рушник цветной ты вышиваешь.

И грех (седьмой), как камень за душой, —
Я ненависть в себе ношу,
За то, что я ещё не всё тебе сказал о том,
Как красота твоя меня преображает.

Мой вечный город полон ожиданий

Мой вечный город полон ожиданий
и не даёт заре уснуть.
Он отутюжил глади вод пылающими парусами.

Молчание – не его стезя.
Он говорлив и фейерверки
шпили обряжают крылами райских птиц.

Мосты объятьями задушат, а
хладная Нева
напомнит нам дела и даты роковые.

Всё ждёт тебя.

Судьба сама благоволит
принять красавицу Днепра
в полночном ресторане...

Рухнет троя

Рухнет Троя,
взорвётся Везувий,
Атлантида уйдет на дно —
все случится, чему суждено.

Будет год и тот день,
когда сердце твоё откроет
моих чувств галактический путь,
снизошедший от звёзд до Земли.

Будет час и тот миг,
когда чашу любви
ты осушишь до дна,
отпустив своё тело на волю.

Жар объятий расплавит
все полярные льды
и в ковчеге у Ноя волны нас донесут
до пресыщенной влагой Сахары.

И сады Вавилона
Землю в Рай превратят,
где Адам любит Еву,
а Каин – Лилит...

Там мы счастливы будем с тобою.

Все случится.

Я верю.

Ты желанна! И это не скрою...

Парад в честь Дня ВМФ России на Неве

Корабли постоят и, конечно, уйдут —
они жить без простора не могут.
Залп полуденный с Невских крутин
городскую пошлёт благодарность
всем кто с морем един.

И мосты их отпустят из объятий своих,
поручая вернуться всем строго.
А гранит берегов эхом вторит: «ВИВАТ!»
И девчонки дрожат от трехкратных ура,
что несутся от борта до борта.

И устами матросов Надежда велит
им дождаться любимых с похода.
Так и я ожиданьем живу встретить вас
на причале у Стрелки ВО¹!

¹ Стрелка Васильевского острова

Озябший птенчик

*Мгновение – и небо грянет наземь,
и дождь сбегит от тучи в водосток,
и гром, не затихая, мрачным князем
проскачет и умчится на восток.*

*...А после – тишина, и стон уключин
на пеной захлебнувшимся лугу,
и взгляд, такой горячий и колючий,
зарницы на безлюдном берегу.*

Наташа Минковская, 2017

...Я так хочу
с тобой попасть под этот дождик,
тебя укрыть под крону тёмной ели и
согреть своим дыханием
твои остуженные плечи
озябший птенчик, ты мой дорогой...

День седьмой

О не лети так жизнь...

Мне нужно этот мир как следует запомнить.

А если повезёт, то даже и заполнить,

Хоть чьи-нибудь глаза,

хоть сколь-нибудь собой.

Леонид Филатов

Я оглашаю приговор
губителю всего живого,
чей труд ничем неукротим, но
справедливость требует расплаты.
Мы иск сегодня предъявим
Создателю всего благого,
за то, что он умышленно лишил
бессмертия как такового.

Он Времени отдал
необоснованное право
всё лучшее досрочно изымать
из обращения людского и
быть единоличным палачом,
не отделяя зерен от плевел,
казнить и миловать в миг один.

О, сколько Ты отняло у нас,

бесчувственно верша свой суд,
того и тех, с кем жизнь
была бы только краше!
Зачем ты лучших убираешь в тень,
не дав им воплотить свой дар
на благо дня Седьмого?

Зачем лишаешь ты любви
кто сердцем юн и телом бодр?
В чём польза от решения такого?
Как можно было не считать
бесспорным право на свободу,
на труд и на мечту: сгорая не сгорать,
а двигаться вперёд,
других собою увлекая...

И вот финал:
Бессмертью быть,
гореть и не сгорать,
любить и быть любимым!
Дата.
Подпись и
Печать.
Быть посему —
Ныне и присно,
и веки веков!

Не смирюсь я с запретом

Я тебя забываю,
но забыть не смогу.
Я тебя обожаю,
но обнять не могу.

Я тебя провожаю,
но вернуть заставляю
твою нежность ко мне.
Ты была, как видение,
как покой и смирение,
как смола в янтаре.

Осень скоро закроет
ставни наших сердец,
а кукушка до срока
отсчитает конец...

Не смирюсь я с запретом
вновь тебя целовать и
дышать твоим спелым,
лаской Солнца согретым,
от лаванд и левкоя
прокопчённым плечом...

SMS сообщение

Гречанки облик
от соблазна,
от пламени страстей ошеломляющего танца,
от виноградного засола и
Парфенонского тумана,
от старцев древнего Афона,
от сердца, что оставил там.

Я ей оставил
душу,
тело,
мечтой, стремящийся увлечь...
Я всё отдам
для разговора,
для поцелуя
и любви...
Не надо мне писать сообщений,
тунику скинь – приди ко мне!

Тишина

*Как рассказать о тишине словами?
Она сейчас, наверно, рядом с Вами
Задумчиво читает эти строки,
И Вы уже совсем не одиноки.
И вдруг однажды, вспомнив обо мне,
Вы тоже поплывёте в тишине...*

Татьяна Сокольникова

Таня, послушай тишину,
нам явленную не словами
и, заполняя всё вокруг,
нас отрывающую от реалий.
У тишины пороги есть,
порой они неразличимы и
чувственно для нас ранимы.

И по законам физики живя,
мы то теряем в суете, что душу задевает.
Туда, куда уходят все,
толпятся в очередь не ради тишины.
Её там часто прерывают
трёхкратным залпом юные бойцы,
дань отдавая почестям и славе.

Та тишина итогом быть не может, —

у тишины особенная статья:
живой её любить лишь может!
Послушай, Таня, тишину...
Я оглушён её секретом,
а ключ к разгадке тишины
лежит в твоей короткой строчке:

Вы тоже поплывёте в тишине...

Где ты?

Я вернулся из Пскова
и не встретил тебя.
И Нева не сказала,
где искать мне тебя.

Может дятел на крыше
не забыл мне напомнить и
стучит в моё сердце —
ищет путь до тебя.

Или ветки рябины,
в алом платье до крови,
бьются в окна немые, помня тех,
кто за ними, — может знают тебя.

Только листья осыпят
слёзы грусти моей и
сентябрь объявит
нам запрет на любовь.

А зима всё расставит,
хладно всех рассудив,
и, наверно, оставит нам надежду
согреться от тепла жарких губ...

Ты, только ты

Когда смотрю на твоё фото
и взором замедляя ход,
вдруг,
образ твой живой я ощущаю
и речи дар в миг исчезает.

Как я позволил тебе быть
со мной такой беспечной?
Чем
не похожа на иных и
что в тебе такого?

В тебе нашел я то,
на что скупы другие.
Ты, только ты, собою
возмещаешь прожитой мной год
надеждами его бессчётных повторений!

Как не любить тебя?
Ты лет моих продление!

Ласки яда

Там, где в сердце нежность плещет
и улыбка, как источник
чувств желанных, не забытых,
там твой свет меня разбудит.

Он осколками цветными
серый мир вдруг оживит.
Волны нежности и страсти
нас в объятиях застанут.

Унесут из мира мёртвых,
но живущих лишь расчётом,
неизведав ласки яда,
зарождающего жизнь!

Там, где в сердце нежность чахнет
и улыбка пересохла – жизни нет.
Там в объятиях только скука —
Одиночества зачатье!

Щупальца нежности

Моя нежность к тебе, как паутина,
ловит в сети любовь и ласку.
Её щупальца впились в сердце твое
от счастья
и питаются лучшим соком —
кровью верности и заботы.

Нет иного такого чувства,
приносящего в жертву ласки,
пылкой страсти,
нагое тело,
исторгая всю негу плоти.
Содрагаясь в объятиях ночи.

Раздвигаем ее границы,
задыхаясь, кусаем губы;
руки ищут доступной тайны
и огонь пожирает взгляды
от сокровищ,
приносимого в жертву тела.

Твоя молодость источает жажду;
исцеления нет
и не будет,

пока нежность моя

не станет

постоянно ласкать твои груди...

Не опьяняй меня улыбкой

Не опьяняй меня улыбкой,
закрой врата своей души.
Мне больно слышать твои песни
о той далёкой, не забытой,
что ворожит со мной во сне.

Я Рим отдам, Дамаск и Басру,
расплавлю льды всех океанов,
Сахару влагой напою, но
не позволю никому в порту китайском
жечь её судьбу.

И не забыть мне никогда
как скрипка звуком наполняла
её открытые глаза,
и как смеялась, увлекая
в свои заморские дела.

Не опьяняй меня улыбкой, —
в ней всё от Бога, неземное.
Пусть память только оживляет
и да продлит очарование
её небесные черты...

Сизокрылый, долети

Бывает часто у людей:
слова, как... в прорубь!
Но, чудо, голубь ждёт —
почтовый голубь в клюв берёт
конвертик мой
с кусочком сердца и
донести его готов тому,
кто ждёт его
и днём,
и ночью!
и днём,
и ночью!
Сизокрылый, долети!!!

Шрам на сердце

Случилось так,
ты мне крылья обрubiла,
решила заменить другою, —
пусть для неё слагать я должен песни...
и обесточив слова волшебство,
исчезла в сумраке сомнений.

Уход в безлюдье,
в каждый вечер — с... новым,
пустою страстью опьянённым,
не доверяя губ губам холодным,
в невольный омут ускользнула,
отдав себя в бесчувственный обман.

А время монотонно бьёт
по памяти,
по гулу чувств и
требованию быть — на счастье.
И имя губы пересохшие твердят,
надеждой наполняя моё сердце...

Бывает так. Увы, случилось...
Ты поскользнулась на гранитной глади
Ушиб, конечно, заживёт —

его затянет новой кожей,
но шрам на сердце у меня
останется бессрочно.

Тепло любимого человека

Она тоже так считает,
что не стоят города
с их
помпезными дворцами
и чугунными мостами
даже родинки её!

Что проспекты с фонарями и
рекламою витрин
ни гроша того не стоят
с жаром губ, сверканием глаз
и лицом давно любимым,
и таким нам дорогим!

Как же мог я не заметить,
суетою дел заверчен,
как в глазах её реснички
увлажнились оттого, что
забыл сказать ей прямо:
«Нет прекраснее её!»

Ваши губы бледны

Розы кончились.
Лепестками ложе Вам не застелю.
Мне надо уволить садовника
за его привязанность к шиповнику.
Он обожает шипы —
фаланги пальцев его исколоты.
Этот куст кровожаден,
но душист синевой.
Вы допейте вино.
Вечером будет ветер.

Посмотрите на зарево.
Донором его кровавого цвета
стал мой шиповник...
Ваши губы бледны —
ни кровинки...
Мой шиповник – вампир.
Недолюбливает Вас садовник.
Он уволен.
Розы выдохлись.
Могу предложить сирень...

Природная данность

Когда тебе так много лет,
что говорить об этом неудобно,
невольно ты в глазах её
теряешь всякий смысл.

Она предпочитает сердце закрывать
для опыта и чувств,
беря в основу силу молодую.
Какое дело в рассуждениях её искать изъяны?

В её грудит кипит напиток для детей,
самой природой к сроку обновлённый.
И тщетны поиски путей,
идущих мимо данных истин.

Так кораблю надежней отдыхать
у пристани знакомой,
чем с силой волн,
близ грозных скал, сражаться.

Так птице легче на крыле стоять,
в порывах ветра устремляясь в высь,
но не сменить простор меж небом и землей
на заточенье в клетке.

Когда тебе так много лет,
но ты готов еще влюбляться,
ты вспомни молодость свою и
то лицо, которым любовался.

Твоя харизма

Ты рождена,
чтобы дарить безумство,
твоя улыбка,
поступь от Фламинго,
фигура-амфора, и полная вина —
всех возбуждает, увлекает
и сердце ритмом оглушает,
к себе маня.

От губ твоих нектар исходит,
чей аромат и шмель не знал.
А волосы,
ручьём струясь
по глади загорелого плеча,
изгибы талии,
в потоке сладострастных чувств,
нам предъявляют.

Всё дышит юности цветением
и луговым преображением,
когда ты утренней порой
в овале зеркала
овал бровей свой исправляешь
и птицы воздух оглашают

хоралом трелей озарных
в знак уважения к тебе.

Ты рождена,
чтоб жизнь продлить
и в силах старца укрепить,
и в детях счастье продлить.
Зачем ты рушишь мой покой и
взглядом ум мой отключаешь?
У пепла просишь ты тепла...
Даря безумство, счастье отнимаешь!

Рулетка катится в зеро

В любви свободна от обязательств,
всегда при форсе,
в новейшей джинсе,
каблук высокий,
чулочки в сетку.

Брют наливает ей каждый встречный,
в авто садится, отбросив шляпку
и мальчик юный,
забыв о школе,
встречает маму всегда с улыбкой.

Он знает, что не будет лучшей
и что мужчины напрасно курят,
бросая в урны измены женам.
Он будет взрослым и станет сильным.
С ним будет мама. Он не разлюбит.

И пусть сегодня она упрямо
листает судьбы случайных встречь,
ему понятна её забота —
уйти от чувства совсем забытой.
Казаться в центре – её мечта.

Но знать не может,
курносый мальчик,
что катит шарик опять в зеро.
Любовь не может без обязательств, —
Без обязательств она мертва.

Пряный запах твоей кожи

Не хочу бежать за юной,
лучше рядом постою:
вместе с пристани у моря
на волну я посмотрю.

Вдруг проснется отражение
лика чудного её
и мою руками шею
оно дерзко обовьёт...

И прижмутся остро груди,
мне опомниться не дав,
и бездонными глазами,
в волн пучину уведет...

Я готов бежать за юной,
несмотря все года,
не стоять, не ждать погоды
у всевидившей судьбы.

Я готов нырнуть в пучину —
прямо с пристани у моря —
светлой кожи запах пряный
может голову вскружить...

Сердце и разум

Не стоит
среди помыслов блуждать,
приобретая статус – несвободы.
Любовь лишь исцеляет от хандры.
Любовь, что озаряет
и побуждает красоту
в себя поверить!

Не стоит сердцу доверять,
коль нет уверенности в чувстве.
Влечение в тупик ведет, когда оно
послушно только телу.
Доверие питается средой,
в которой
сердце с разумом не спорят!

Штурм крепости

Случилось завтра.
Оно пришло.
Как ураган, сметая все.
ты не вошла, а ворвалась
в мое сегодняшнее время.

И нет начала у конца,
как нет исхода у кольца —
ты вышвырнула из меня того,
кем был,
тебя не зная.

Размеренность, расчет,
недосаждающий упрямством,
желанье выйти за барьер,
сурово явленный флажками,
афишу знавший наперед,

с билетом на галерке,
я жил неведая, что есть,
со мною где-то рядом,
созданье юное с косой
и беззастенчивой улыбкой,

которое взглянет и убьет
во мне расхлябанного парня.
Смущен. Нисколько.
Удивлен.
Другие есть получше.

Ан, нет. Запал серьезно.
Быть может перепутала она
меня с Ален Делоном? Красивая.
Немножко с наглечой,
но рамки знает, не суется.

Сама сказала:
«Я тебе другой не пожелаю.
С ней потеряешься в быту
и разобьется лодка.
А я водичку не люблю.

Ну разве что, —
на яхте с Ромой Абрамович...
Но он тебе не пара!
Возьмёшь меня пройти
три раза вокруг аналая?

Детей бессчетно нарожу
и в люди выведу.
Бесспорно – в генералы – пацаны,
а дочери – все в Большом —
балета примадонны.»

...

Вот так, читатель дорогой,
случилось все сегодня или завтра.
Но стал я сам не свой,
вернее, стал женатым парнем!

Девушка в лесу

Ужасно страшно в грибном лесу:

Идёшь, озираясь, сбивая росу.

От страха коленки трясутся у ножек —

Так много людей, и

у каждого — ножик!

Эману Элька

Я пришлю тебе шапку-невидимку,
в ней ты смело сможешь в лес ходить
Но беда, коль я тебя не встречу,
сам я тоже в лес ходить боюсь.
Вдруг ко мне на плечи с елки прыгнет

рыжая — «старуха Изергиль».
Лютая, развратная девчонка —
у неё ведь дядька — Черномор
и глаза раскосой рыси,
груди полны страстного вина.

Многих поглатила страсть соитий, —
всё из-за червивого гриба...

Суд идёт

Годы нас разлучают с теми,
кем дорожили, кто любил нас до слез.
А война унесла документы архивов,
без которых признать по закону нельзя,
что и тетя, и дядя по крови мне родня.

Суд неспешно решает
неотъемлемость прав и надежду дает,
что у внука не будет бессердечных минут.
Доказательной базой, у судьи на столе, —
ворох старых бумаг, так «бесценных» сейчас.

Только совесть и сердце протестуют любя,
так как их «показания» неприемлет судья.
Не приносит мне радость
благодать «по закону»,
если их неучастие оскорбляет меня.

У соборной ограды

У соборной ограды
совершенно неброский павильончик стоит
и красавица Лена православному люду
коврижки с изюмом, булки выпечки свежей
и кирпичики хлеба каждый день продает.

Я не мог не заметить
и тебе рассказать
о Елене Прекрасной,
об улыбке волшебной
и сиянии ее глаз.

Скромность послана свыше,
честность носит характер,
а подарков от жизни,
как судить я могу,
получала едва ли.

А глаза светом полны —
благовесту сродни, —
оттого и стою у окошка,
«изучая цену», а уйти от нее
все никак не могу.

Счастлив тот, кому в сердце
дева радость несет,
кто ей волосы гладит,
кому ужин готовит,
с кем встречает рассвет.

Я бы многое отдал за тепло ее глаз.
Но на донце колодца,
в родниковой воде,
держит ключик от сердца
неприступность её.

В нашем северном лете
всё давно уж не так:
что запретно веками, то доступно сейчас.
Дешевеет надежда
и любовь на продажу по часам предстает.

Девы древних профессий растлевают святое
и – не греют никак...
Вот и колокол звонит – оживает душа.
Вот, что это такое —
незатоптанная красота!

Танцы ренуара

Я в Париже будто жил,
не съезжал.

Ренуара как-то раз повстречал,
Он соломенную шляпу примерял
и модель для полотна выбирал.

Кастинг просто чудно объявлял
и девчонок из простушек приглашал.
Танцевать хотели многие из дам,
но стоять перед мольбертом за пятак!?
Два сезона Пьер партнершу изучал
и в конце-концов шедевры написал.

В дивных платьях, во весь рост,
карнавал в голубые платья юных дам обряжал.
Сам Огюст, в портретном сходстве, сказал,
как умело в танце линию держал,
что Дега подобных танцев не писал, —
оказалось, сельских танцев он не знал.

Да,
Париж без русских казаков
ничтожно мал
и Бистро, печать от них приняв,

со стены, глазами Ренуара,
празднично являет парижан.

Иди ко мне!

Как хороша ты перед сном.
Как тонко пахнут твои руки,
маня к себе в волшебный дом.
Закрыты наглухо все ставни
и двери скованы замками,
и свет полночного светила
зашторен темною гардиной,
и смолкли звуки...

Где оне?

А отблеск в зеркале являет
все тайны прелести твоей
и сердце сразу обмирает,
когда меня ты обнимаешь
и говоришь: «Иди... ко мне!»

Любовь – алтарь

Душа сиречь есть Храм;
Любовь – алтарь его
и если ты вошла в мой храм,
то будь в нем храмовой иконой.
И к ней приложатся губами
бессчётное число людей.

Они найдут в тебе защиту,
моля тепло в душе хранить
и быть неразделимо рядом.
До дней последних неизменной,
все понимающей и нежной,
и справедливой в доброте.

Свеча гореть пред нею будет
и не загаснет никогда.
В любви находим мы надежду
и верим: счастлива она.
Любовь, тобой мы дышим во спасение,
но жаль, – с грехом к тебе идём...

Шестьсот кусочков смальты

Меня простить лишь может Муза,
за то, что терпит мои вирши,
и, проявляя благосклонность,
велит оттачивать перо,
беря примеры у Шекспира,
учась у Гумилева и у Лорки.
У Блока взять тонкие черты
от «Незнакомки»;
у Есенина —
«Выткался над озером алый свет зари...»;
«Дебют» — у Бродского
и «Молитву» — у Цветаевой...

Как они велики и мал мой школьный опыт...

Как свежи были еще розы
и как легки твои слова.
Едва ты вымолвила слово,
а мне дышать уже нельзя
и паутинкой незаметной тобою сеть,
пленившая мне сердце,
в одно мгновенье сплетена.

Я пленник идеальных ощущений,

послушник чувственных начал
и предан взглядам Янь и Инь.
Прости меня, Муза,
за прегрешения в слове,
за лень в черновой работе,
за взмах моих бессильных мыслей,
за готовность стоять пилигримом
у твоего парадного входа.

Шестьсот кусочков смальты
я уложил в мозаику пережитого,
но не спешу вводить последнюю черту.
Хочу тебе служить,
о Муза поэтического жанра,
до дней последних донца...
Простить меня можешь, лишь, ты!

Целительница

*Собою затмевая все софиты,
Она несла, как истину – любовь,
Собрав мечты, что вдребезги разбиты.
Она умела просто брать душой,
В ней женственность пылала от природы,
Что б важной для кого-то очень стать,
Поверьте, ей не нужно раздеваться...
Ксения Газиева*

Да, ты умеешь просто брать душой,
своё очарование не растратив.
Собою затмевая все софиты,
среди сотен ослепила и меня.

И женственность, пылая от природы,
сожгла дотла мои мечты и
в пепел превратила ожидания,
ещё вчера влекущие к тебе.

Но коль важнее
для меня ты хочешь стать,
Поверь, тебе не нужно
предо мною раздеваться...

Я красоту твою

всем сердцем принимаю,
а наготу приемлю лишь любя, —
не требуешь, ведь, ты награду.

Всё потому, что истину несёшь
ты как любовь и просветляешь душу.
От скверны очищая естество,
своим явлением, просто, — исцеляешь.

Целительница, милая моя!

Питер не Париж

*В Амстердаме есть и свой Мулен руж,
Там бывал и твой почтеннейший муж!
В панталоны деньги девкам совал,
И рукою щупал там, вот нахал!*
Орфей Без Эвридики

*Амстердам, конечно, тоже хорош.
Где еще такую сказку найдешь?
И когда еще его посетишь?
Но, желаю, почему-то в Париж.
Эману Элька*

Дорогая, ну зачем тебе Амстердам и
в Париже Мулен Руж уж не тот.
Я недавно в Берлине бывал —
там никто о рубле не вспоминал.

В нём повсюду голубые дома,
и у дам лишь прозрачно трико.
А кафешки там ничего,
где за пивом не видно лицо.

Почему не летишь ты ко мне или
Питер для тебя сероват?
Может рубль ещё слабоват?
В Эрмитаже оставишь свой след.

Помоги мне мосты на рассвете свести.
Распишись рукой по Неве,
опрокинь тень Авроры
на гранит ещё тёплых ночей...

В Амстердаме есть и свой Мулен руж,
Там бывал и твой почтеннейший муж!

Нарисуй меня

Ты хотел огня,
Чтоб обжечь нутро.
Нарисуй меня
На стене метро.

Чёрным напиши-
В нем печаль видна.
До корней души
Я обнажена.

А еще вплети
Тёмный фиолет.
За твое «прости!»
Мне прощенья нет.

Тенью глаз не трожь.
Обведи края.
И тогда поймёшь,
Как любил меня.
Эману Элька

Бросил бы перчатку
и на три шага...
Но нельзя так сделать —

строг Устав дуэли:
у барьера быются только господа.

Эля, если скажешь: «Он меня унизил!
Загоню я пулю в Лафаря² пистоль —
смоет оскорбление супостата кровь»...
Не гневи подруга сердца моего:
не ходи по краю, обнажив бедро!!!

² Дантес выстрелил первым. Пушкин упал. Раненый поэт остановил француза на том же месте, и так как в его пистолет набился снег, Данзас подал ему другой. Опершись на левую руку, Пушкин выстрелил и ранил своего противника в запястье. Таким образом, оба пистолета побывали в руках Пушкина в этот день. «Вечером ему сделалось хуже. В продолжение ночи страдания Пушкина до того усилились, что он решил застрелиться». Со слов Данзаса в ночь с 27 на 28 января Пушкин хотел в последний раз спустить курок. Позвав человека, он велел подать ему один из ящиков стола и спрятал пистолеты под одеяло, но бдительный Данзас отобрал их у поэта. После дуэли пистолеты исчезли из поля зрения пушкинистов на целый век. Сенсация разразилась на юбилейной выставке в Париже в 1937 году Серж Лафарь явил миру те самые пистолеты.

Пропасть

*Бездна – это не взгляд во тьму,
А то, что видно тебе одному.
Что счастье прожито, а не изведано,
И дни не складываются в последовательность,
Они срываются по отвесной —
Цель отразила красоту в неизвестность.
Пропасть – это если не совместить
Красоту «люблю» и правду «прости».*
Владимир Панкрац

Жизнь дана,
чтобы прожить не иначе как цельно и
неиспытанное, неизведанное,
но предоставленное
разрывает на части её смысл,
скрывая тайну ее красоты.

Так птице,
рождённой чтобы летать, но
неиспытавшей своим крылом силу ветра,
невозможно себя сравнить с теми,
кто парит высоко в облаках,
словно играя с ветром.

Если Он или Она

соизмеряют возможное с невозможным,
ищут оправдание несовместимости чувств,
то «люблю» и «прости»,
не без причины, всегда нетерпимы!
Бездна – лежит между ними!

Не пущай ты мужа до Парижу

*Свези меня до городу Парижу
Жена сказала мужу, тронув грызю,
Нажитую чрезмерною работой:
Свези меня до городу Парижу
Мне от Буренок отдохнуть охота.*

*За всю-то жизнь была два раза в Туле,
Когда меня свозить просила в Сочи.
Как проклятая тридцать лет мантилью
За просто так с утра до темной ночи.*

*Не стану я с французиками шаини
Крутить. Ведь я верна до гроба мужу
Хочу увидеть Эфелёву башню
и на шесте вернуться в Мурен Лузю.*

*Что есть такое шест? Так это палка.
Ты, Ваня, будто первый раз родился.
Жену Ивану стало очень жалко.
И закулив он скупо прослезился.*

*Что видела жена моя по факту?
Ни праздников, ни шоу, ни веселья.
Пошёл в сарай, завел свой старьёй трактор
Повез жену на поле Елисея.*

*Возил свою в двенадцатом Василий.
И мы могём. Чай мордою не рыжи.*

*Как хорошо, что есть у нас в России
Свои отдельно взятые Парижи.
Эману Элька*

Мурен Луза где-то рядом с полем Елисея;
если я не путую, – в Парижу.
Я намеренно ездила до брату.
Жинка Кольки проживает у Морматру,
что за мельницей, у этой самой Лужи.

Представляешь, в этом самом, т.е.
у Парижу, сдвинутые все до одного на баб.
Там художники рисуют вроде мелом,
натуральным мелом, говорю.
Видела картину с вернисажу —
так по ихнему что-ль выставку зовуть.

Так, прикинь, сидит на травке баба,
ну лишь в том, в чем матка родила,
а вокруг усаые мужчины,
тобишь прямо мужики, —
и все в костюмах, т.е.
в этих самых, в пиджаках.

Та картинка прозвана как
«Завтрак на траве».
Вроде как бы, нет у них стола...
Срамота одна и только.

Говорят, что это нынче модно:
завтракать на травке в ниглиже.

Слышишь, Элька, ты поди в Парижу
своего-то Сеньку не пущай.
Он притащит с площади Свободы
к нам в село такую ж моду...
Там поди всех девок охраняй.
Не пущай его до энтого Парижу.

Башня Эйфеля там видна сдалека.
Жуть какая тощая, как пика.
Прям за ней и тянутся энти,
как его, ну – Елисеева поля.
Не пущай.

Пусть заводит свой любимый трактор...
Видела, как он вчерась за Нюркой
глазками водил по ейной юбке —
обтрепал, поди, ей весь подол...

На изломе лета

Крым обретая,
тебя мгновенно забирает
распевом волн
 под трепыханьем крыльев чашек
и музыкой бродячих шансонье,
усердно пережевывающих звуки.

И Солнце утром бережно ласкает
мой взгляд
 на бархатистость волн и тонкий стан,
еще незагоревшей феи,
на выходе из пены волн
овалом бедр зрачок сужает.

Все блекнет перед ожиданием
неизъяснимо трогательных чувств,
обласканных жарой
 и свежестью шампанского в бокале,
где хрупкости стекла
 сродни нервозность губ
и легкое дрожанье
 удлиненных пальцев твоих рук.

Но роза черная

не ляжет тенью на озере
 раскрытых в удивленьи глаз
и поцелуй мой встретит
 твои наглухо захлопнутые губы
и легкая истома вдруг промчится по спине
при шелесте скользящего на пол
 сиреневого цвета платья...

Посвящение

Поэтессе Инне Яровой

Стрекозий танец твоего смычка
отбросил полог трепетной прохлады
и волн коснулся, замыкая осенний грустный вальс.
И медленно переходя в осенний блюз
и предвещая новые объятия,
сомнений новых рой явив,
от чудодейственных признаний
на ложе пляжного песка,
оставил след несбывшихся свиданий...
В полночный час усталостью забылся,
и нежно-нежно улыбнулся,
в сон вечный отпустив твои глаза...

Стихом придя к нам в новые рассветы,
усладой рифм его
и музыкой душевной —
напомнишь краткость бытия
и упоенность светом...
Светись всегда!
Живое слово твоего стиха
наполнит смысл бытия

твоим участием,
требовательно строим,
заветом новым прозвучит в делах,
тобой незавершенных.

Плененная временем

Как светла твоя тонкая суть,
что у времени на поводке:
по весне с тополей сыпет пух,
летом – тени с часами короче,
осень – стелит желтый ковер
листопадом с высокого клена,
а зима – та проказница, тянет на лед,
чтоб вертеть фуэте на снегурках...

А я рядом стою
и дойти не могу,
чтоб согреть твои милые руки...,
чтобы листья убрать...,
чтоб букеты дарить...,
чтобы пух удалить...,
чтобы счастье продлить...
Оттого, что светла твоя тонкая суть!

Расскажи мне

Напиши мне, родная,
про желанье свое:
любоваться пожаром рябины
у меня за дачным окном,
о не ласковом Ялтинском солнце и о ветре,
ломающем ветви в парке новом
близ порта в Кенасах.

Напиши о желтеющей кроне берез в Партените
и о скором, так мною желанном,
«балу хризантем» в Никитском саду.
Расскажи мне, про густые туманы
и летящих на юг журавлей.
Напиши про все то, без чего я прожить не могу.

И тогда, под осеннюю проседь
ниспадающих с кленов листов,
Я тебя приглашу на тур вальса осенний
в Летний сад, что еще не закрыт от снегов...
Напиши мне о том, как у счастья находятся слухи,
от которых на сердце одна кутерьма.

Напиши мне о том,
как ты мною любима и еще об одном:

как ты любишь меня.

Обо всем,

я прошу,

напиши!

Приглядись

Еще не светится окно
приходом яркого светила
и сон владеет половиной мира,
а мыслей беспокойная игра
меня влечет в твои объятия.

О, Слово,
как воздать тебе за все,
что ты являешь Делу?
И есть ли мера, равная по силе,
тобой исполненных начал.

Вчера ты мне сказало:
«Приглядись!»
Она ль тебе не пара?
В ней все тебе благоволит
и все к тебе стремится!

Участлива и скоро в деле.
Всегда приветлива
и угодить спешит,
предвосхитив твои желания.
Природа наделила красотой
и добротой безмерной,

а в ласке равной нет,
как нет в ней наносного чванства.

Скромна и рассудительна,
не по годам умна и знает толк в костюме.
Дитя любви она любви желает и плоть ее
снедает жажда материнства.
Отбрось сомнения,
с букетом роз, признайся
в чувствах к ней одной.

Избраннице твой и суженой твоей!
Приглядишь!
Открой в ней клад, какого не видал!».
Так Слово превратилось в явь
и Дело принесло нам счастье.

И это было не во сне,
а если б так, —
то сон был вещим!

У милых глаз

Октябрь воздух остудив,
убрал весь пляжный инвентарь
и конъюнктура, оценив метеопрогноз,
закрыла до весны все временные лавки.
На набережных исчезли музыканты
и сувениров порядело многоцветие
с картинками приморских городов.

Нет вызывающий восторг
минимализм нарядов юных дам
и чаще вижу на плечах пуховые платочки.
Порывы ветра разметали листопад
по узким дворикам,
где объявления о свободных номерах
вновь запестрят с приходом мая.

В твоих глазах уходят с отблеском зари
восторги штилем и луной,
в объятия твои спешащей
по водной глади узенькой тропой.
Крым нас очаровал приятной новизной
старинных парков
и дорог убранством.
Открытостью музеев и дворцов,

и замечательной афишей у театров.

Здесь дышит все счастливым пробуждением
и нет обыденности запустения.

В соседстве храмы и мечеть,
а молодость, заботы стариков щадя,
в квартирах новых и домах,
справляет новоселье. И пусть нам осень
возвестит размеренность годов течение, —
у милых глаз нет возраста старения!

В Балаклавe

На горе святое место —
храм 12-ти Ученых
по лицензии Христа,
а внизу – у глади моря —
разливанное вино,
маркированное в бочках,
с этикетками – в бутылках
и с ценой нехристианской, —
знамо, нет у них креста!

Кто оплатит

*Здесь снится вам не женищина в трико,
а собственный ваш адрес на конверте.
Здесь утром, видя скишим молоко,
молочник узнаёт о вашей смерти.
Здесь можно жить
и в зеркало глядеться, ... как фонарь
глядится в высыхающую лужу.*

И. Бродский, 1972

Несправедливость

в жизнь привнесли законы Рима
с рабским Правом, где проститутка
требует сестерций с покрывающего тела
и Цезарь в Бруте узнает бессмертия начало.

Коррупция Сената такова,

что до сих пор,
расплывшись по иным краям,
она с успехом процветает.

Суд Рима слился с Властью

на все века и бедный
требования свои убавил.

Искусство виллами пьянит
и розами Соренто.

Вино по-прежнему в бокалах подают
и музыка октавами качает волны.

Гондолы арку проплывая,
гостей стеклом венецианским развлекают...
Все как всегда. Здесь можно жить
и в зеркале лагуны
находить прекрасных островов
гранитные могилы,

возможно, обрета приют для собственного тела;
как термы пепельной Помпеи,
хранят сожженных юные тела,
окоченевших в вечном поцелуе.

Природа и Закон немногословны,
часто – скрытны, оставляя нас
наедине с Судьбою.
И час последний кто предвосхитит?
Долги мои пред ней, возможно ль, кто оплатит?

Запрещающий свет

Ты прости, что горю слишком ярко.
Ты прости, что живу чересчур долго.
Меня видно на всех перекрестках,
Где стоят семафоров торшеры.

Ты прости, что любил и люблю неумело,
что цветами сорил и деньгами.
Мне так нужно, чтоб был я лучшим,
чтоб гордилась ты мной всечасно.

Не прощай, если я обидел
и писать о себе не надо.
На звонки отвечать не стану,
номер твой для меня – забыт.
Наших губ не назначена встреча
и объятий остыла истома.

Ты не худшая, я – не лучший.
Так к чему канитель тянуть.
Подойдя к перекрестку заново,
Сделай шаг мне навстречу, не бойся,
и пойди на мой красный,... запрещающий свет.

Ощущения родства

На пике осени
крылатым взмахом журавлей
стремятся к югу мои мысли,
а желтый лист резным узором
усердно красит нивы и луга.

В твоих глазах свет ожиданий,
надежды тихие ручьи —
источники воспоминаний,
а журавли, в полетной переключке,
несут исправно мой воздушный поцелуй твоим,
еще непризнанным никем губам.

Сады и парки нам являют дары
натруженных ветвей,
а клумбы нежность излучают ковром
ухаженных цветов.
Как мило все,
что ты являешь в простой
и чувственной манере
до сердца, слуха моего, стихом своим,
душой открытой.

И очевидны ощущения родства

весенних глаз твоих
и робкого волнения, средь поздней осени,
моих отчетливых седин... Мы с тобой два берега
у одной реки и, на пике листопада,
скользим по глади вод в плену у слова и пера...

Счастье, заходи

*Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.*

С. Есенин

Счастье,
что так робко не заходишь ты в мой дом?
Почему стоишь растерянно у входа
и не вносишь радость в новый дом?

Отлетела юность золотая в те края,
где солнце круглый год и,
курлыча громко в поднебесьи,
журавли не плачут ни о ком.

Отчего на сердце смута и под сердцем
колет острый нож?
Разве я любви искал и не нашел?
И не мне ль ты ласки подарила,
опьянив кораллом томных губ?

Счастье, размышлять так долго вряд ли стоит:
чье крыльцо красивей и милей.
Заходи и не смущайся,

этот адрес крепок и надежен,
и тебе в нем много будет дел.

Боль

НеобъятнА
галактика телА
и острее,
чем в теле боль
от дыры гвоздЯ.
Я планетой к тебе лечУ, —
стань мне спутницеЙ,
как Луна...
Сколько соли несёт стена,
та, что плачет уже века!
И тогда не сыскать нигде
слова лучшего,
чем ЛЮБЛЮ!

Увези меня ты к морю

Я хочу уехать к морю и
сидеть под пледом вместе,
наслаждаясь цветом моря,
слушать чувственную выюгу,
целовать твои глаза...

И теснит мои желания
чёрной змейкою коса, и
сказать тебе желаю,
как люблю тебя родная,
в белом платице душа...

Как же вырваться на
волю,
позабыть грудные клетки
душных комнат,
ограничивающих вдох?

И только ты, твоё явление,
даёт надежду дальше жить!
Увези меня ты к морю,
к крику чаек
и волне...

Её миссия

Не возьмёт эту женщину старость
и года сединой не украсят
пышный сноб её милых кудрей.
И болезнь никогда не заставит
нетерпимость свою проявлять.

Она может светиться улыбкой,
всем даря безвозмездно и чисто
радость каждого нового дня.
Как красиво она одета; как проста,
обходительна, в меру строга.

И походка – не просто движение,
а несение в сердце креста.
Удивительна и расторопна.
Полна нежности и обаяния,
совершенна её душа.

Бог мне дал испытать наслаждение
говорить с ней о трудных делах.
И в суждениях изысканно тонких,
ум её обретает ту ясность,
что дается занятием долгим

и терпением вникать в суть явлений,
раскрывая все важные грани,
находя самый верный ответ.
Счастье стало её милосердным и
любому, спеша помочь,

она сердце своё оставит,
она в полночь рассвет принесёт.
И любить может только всецело,
все сомнения отменяя,
отдает без остатка себя.

Как же трудно найти то слово,
чтоб тебе за любовь воздать
полной мерой всего неземного
и продлить родниковую свежесть
твоего для меня бытия!

Грёзы

Ты в окне моём утренний свет
и любимое мною кино,
не прочитанный роман,
не написанное тебе письмо...

Мне никак, никогда и нигде
до тебя не дойти, не обнять,
не увидеть морщинки лица,
не согреть охладевшие руки.

Как так можно о чём-то мечтать,
сердцем чувствуя неприступную стену лет,
что стоит между нами?
И возможно ль любить лишь стихами?

Пусть одною улыбкой твоей
озарен сумрак осени и гудками тяжелых барж,
проплывающих по ночам
под разведёнными над Невой мостами.

Я смотри на тебя, позабыв про года,
и мне грезится скорая встреча.
Где в сердечных делах познаем всю быль
или небыль,

Только бы встретить то утро... Которого нет.

Красотою умертви

Страсть от страсти —
страсть пьянит;
Плоть от плоти —
плоть родит.

Губ от губ —
шалых губ не разлучить;
Рук от рук —
нетерпеливых рук не отлучить.

Душа в душу —
дыша жить;
Слово к слову —
сказ творить.

От тебя к тебе
для любви спешить —
От себя к себе
только строгим быть;

Завлекая, не лукавь —
Отпуская, отвлекай;
Наготой ошеломи —
красотою умертви!

Экземпляр единственный

Все 13 пунктов Вашего резюме —
совпадают с моим списком, кроме 11-го.

Я не играю на скрипке,
но могу ее слушать 24 часа в сутки.
То, что я пишу, – не стихи, не поэзия,
а попытка подобрать ноты
к состоянию своей души.

Влюбленность в красивое —
в любом моем поступке,
во вдохе и выдохе.

Нежность к цветку сильнее
нежности цветка ко мне.
Инициатива моя, а продолжение за тобой
и это во всем.

Взрываюсь эмоциями на тонкий юмор
и погружаюсь в
Марианскую впадину – там тихо —
при встрече с низким.

Поддержу, даже если падую сам.
Отзовусь, если забыли.
Вернусь, если очень хотят.
Улыбнусь, ощутив боль.

Не – засну, если думаю о тебе.
Букет лилий – лучшее,
что может подходить к твоим глазам.

Море и горы мои спутники.
Живу в музеях. В театре – на галёрке.
Временно прописан в библиотеках.
Приглашу к танцу, но приятней —
когда приглашают.
Чистая рубашка ближе к телу, нежели свитер.
Пешком чаще, реже на подлодке.

Курить и пить – только фимиам и наслаждение.
Проще слушать, труднее – изображать знающего.
Если влюбиться, то всецело.
Дата. Подпись.
Сему верить.
Подлинно.

Экземпляр единственный.
Ответ обязателен.

Поэтический вечер

*Дай мне поверить
в недремлющий бег
строки.*

*Утром проснуться светом
в твоей груди,
чтобы промолвить это:
«Не уходи!»*

Александра Ирбе, 2016 год

Сегодня на Казанской, 7 ты
пригласила нас во храм свой души,
послушать дивные стихи о жизни и судьбе.

Погаснут свечи; сумрак ночи
охватит проблеском Луны
гардин тяжелые полотна и зал притихнет.

И медленно, как в ледяную воду,
поэзия твоя введёт
в Невы державное течение.

Блистательный, столичный некогда
мой город, услышит вновь родные имена
среди поэтесс, воспевших град Петра.

Я буду в зале,
дань воздам высокой,
чистой лире...

и Александре, Анне, Ольге,
и Юлии, и Веронике, Аде,
Белле, Марине и Юнне...

Дай мне воочию понять, что должно
сердце испытать, чтобы проснувшись,
смог сказать: «Не уходи!»

РС. Поэтессы:

*Марина Цветаева, Белла Ахмадулина,
Ольга Берггольц, Юлия Друнина,
Анна Ахматова, Вероника Тушнова,
Ада Якушева, Саша Ирбе, Юнна Мориц*

Срок годности

Удивительно точно замечено,
что судьбой суждено нам не знать:
не истек ли срок нашей годности,
не пора ли дела завершать.

И что в час, когда злонамеренная
огласит приговор обвинительный,
что отмене не подлежит,
по закону неожиданной подлости,

мы узнаем о безысходности —
мол закончился срок земной годности.
Всё.
Пора.

Наложив на уста печать,
безысходность войдет стремительно,
дав лишь пожать твою скорбную руку,
что простит прегрешения все.

И кричи, не кричи,
едва ли,
шанс оставит она словами рассказать,
как тебя я любил и люблю...

Оттого и пишу я стихами,
чтобы лучшее всем донести.
Зарифмую все ваши желания,
ведь с любви, да, с любви начинается всё.

Пусть продлит она счастья Вам дни!

Икаром в небо устремился

*Светлая память
Евгению Лелеченко,
талантливому и душевному...*

Поверить в это не могу!
Так уходить ведь невозможно:
прислал Привет, а сам – в ответ —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.